

292. НЕИСТОВЫЕ ТОЛПЫ

1

Вам, близким и далеким, всем, моим товарищам, бойцам,
Далеким солнцам и мирам,
Всем тем, чьи души в непроглядной мгле
Горят, чтоб мрак развеять на земле,
Где рядом жизнь и смерть, как тьма и свет.
Их душам жертвенным —
привет, привет!

2

Был вечер от огня багряно-ал,
Вдали закат багровый догорал,
Как яд, из солнца выжатый, ползла
Над полем окровавленная мгла.
Как яростный пожар, пылал закат,
И солнце изрыгало кровь и яд.
На горизонте печь зажглась, и вот
Над полем свет малиновый течет,
И точно кровью поле обогрив,
Горят вечерним блеском волны нив.
Вокруг текут бескрайние поля,
Не знающая берега земля,
Как море без начала и границ,
Как море в отблесках ночных зарниц.

3

Здесь, в этом поле без границ, закатным залиты огнем,
Неистовые толпы бой, смертельный бой вели с врагом.
Из городов и деревень, степей далеких, ближних сел
Они с надеждой шли сюда. Тот, кто из города пришел,
Оставил там туман и мглу, сырую, едкую, как дым,
Которая живую жизнь покрыла облаком седым.
Кто из села пришел, у тех осталась серая земля,
Которая за весь их труд не приносила ни стебля.
Кто из степей явился, тот вдали оставил за собой
Безбрежную степную ширь, что стала для него тюрьмой.

Тот, кто из города пришел, где шум и чад, тоска и мрак,
Чахоточное сердце тот принес в груди, как красный
стяг.

Кто вековую тьму села оставил где-то там вдали,
Тот в мускулах своих принес мощь плодородную земли.
Тот, кто явился из степей, где с детства словно

пленник рос,
Тот в чистых голубых глазах степную ширь с собой
принес.

Неистовые, как гроза, все обделенные судьбой,
Терпеть не в силах произвол, они пришли, чтоб встать
на бой.

4

Огонь заката догорал, уж тени первые легли.
И с грозной песней на устах неистовые толпы шли.
Вокруг поля, а впереди, за далью солнечных равнин,
Там, где дорога в поле шла, виднелся город-исполин.
Лениво нежась, он лежал в лучах заката золотых,
И тысячью цветов сверкал его темнеющий массив.
Как беззаботно, широко он распростерся на земле,
Как будто бы купался он в вечерней золотистой мгле.
Казалось, здания его в багряном воздухе висят,
Теряя краски каждый миг — их обесцвечивал закат.
Лишь стекла окон тех громад, лучом заката зажжены,
Пылали ярко, как пожар, и были в них отражены
Все краски солнечных лучей, от огненных до золотых,
И блеск зловещего огня вселял тревогу в души их...
Как гвозди в небе, все в крови, вонзившиеся крепко
в высь,

Гиганты-трубы в вышине заката отблеском зажглись.
Но дым из глоток их не шел, и траурная полоса
Не омрачала синеву, расчеркивая небеса.
Лишь мгла вечерняя росла, всё покрывая пеленой,
Пока стволы гигантских труб не скрыл бесследно мрак
ночной.

Южнее города, где сеть железных путаных путей,
 Виднелась станция во тьме, нигде ни вспышек, ни огней.
 И слышался по временам, как зверя раненого крик,
 Пронзительный гудок, и был тот голос так тосклив
 и дик,
 Как будто нес о смерти весть, на миг взлетая, чтоб
 упасть
 В простор полуночных полей... И вновь в молчанье
 погружаясь,
 Лежала станция, и был могуч ее суровый лик.
 Здесь в узел собирал пути железные ее тупик.
 Отсюда нити синих рельс, как будто собранных в клубок,
 Текли на север и на юг, на запад шли и на восток.
 Переплетеньем вен стальных они от станции ползли,
 Стремясь неудержимо вдаль, в просторы дальние земли.
 Переплетеньем вен стальных земную обнимая грудь,
 Они сжимались всё тесней, украдкой убегая в путь.
 И в центре их, окаменев, неколебима, как утес,
 Стояла станция во мгле, как символ камня, как вопрос,
 Как узел стали... Перед ней неистовые толпы в бой
 Шли, не сдаваясь, не ропща, покорны воле мировой,
 Как будто мощною рукой взметенные внезапно ввысь,
 Сражались с песней на устах и к темной станции
 рвались.

Они сражались. Чуть вздыхал спокойный ветер над
 травой.
 Пред ними город в темноте лежал, как враг их вековой.
 Как сфинкс громадный, положив две рыжих груди
 на песок,
 У солнцежаждущей толпы он на пути помехой лег.
 И в красном сумраке густом, который словно к небу
 рос,
 Сидела станция пред ним, настороже, как верный пес.
 Сидела, чутко замерев, ему подвластна одному,
 Следя за линиями вен, вдаль убегающих во тьму.
 И к северу от них, везде, где путь не разрезал земли,
 Окопов холмики во тьме, как волны в темном море, шли.

Враг, руки до крови стерев, всю землю перерыл и в ней
Укрылся, прячась в глубине волнообразных ям-траншей.
Неуязвимый, он стрелял из сердца матери-земли,
Но не сгибаясь под огнем неистовые толпы шли.
Всё приближались, шли вперед, за пядью пядь, за шагом
шаг,
Рвались снаряды, тучи пуль навстречу посылал им
враг...
Как песня бой звенел... Глядишь — взорвался над врагом
снаряд...
Так, продвигаясь, шли они за шагом шаг, за рядом
ряд...

7

Сражаясь, шли они вперед в огнях последнего луча,
И суежилась смерть вокруг, в полях вечерних хохоча,
И пела песнь свою, смешав со свистом пули свой напев,
И толпы двигались вперед, боязнь и боль преодолев.
Всё было песней — каждый взгляд и сердце каждого
бойца,
Подобно утренней заре, горели пылкие сердца,
И солнца старого закат был словно песня над землей,
И с песнею всё так же шли неистовые толпы в бой.

8

И громко пел один из них, и голос был силен и смел.
Он славил мужество бойца, товарищу он славу пел.
Как сокол песнь летела ввысь, лилась, парила над
землей,
Так бился с песней на устах светлоулыбчивый герой.
Он пел... А солнце — красный горн — клонилось всё
быстрее в закат,
И этот голос на полях звенел, могучий, как набат,
Звенел, как колокольный звон, чтоб мир услышал, как он
пел, —
С такой тоскою пел герой, спокойно наводя прицел.

«...Из городов, степей и сел, со всех концов родной
 земли
 Надежды полные сердца на это поле мы несли.
 Здесь бой сейчас, и смерть, и мрак, но, не сгибаясь под
 огнем,
 Как знамя красное, сердца навстречу смерти мы несем.
 Тысячелетний солнца шар окрасил красным наш поход,
 Нам в этот час вечерний мир кровавую улыбку шлет.
 С восторгом в сердце бьемся мы, нам песня облегчает
 шаг,
 Встал против нас весь старый мир, как наш
 тысячелетний враг.
 Но мы идем, и смерть сама с улыбкою встречает нас —
 Сегодня многих здесь, увы, ждет их последний грозный
 час.
 Как наша красная тоска, он беспощаден, этот бой,
 Стреляй, стреляй же во врага, неистовый товарищ
 мой!...»

...Садилось солнце в облака, пятная кровью небосвод,
 Неистовые толпы шли, не унывая шли вперед.
 В глазах их пламенел огонь, пылало пламя в их
 сердцах,
 Так двигались они вперед, преодолевая боль и страх.
 Стреляя, двигались они, звучал воинственный мотив,
 И дрогнул враг, и побежал, под их напором отступив...
 Последний солнца луч погас и воцарилась темнота,
 Когда они пошли на штурм и станция была взята.

Сейчас темно. Ночь непроглядная легла.
 Сейчас темно. Повсюду мгла.
 На темной станции, где нет ни проблеска, ни огонька,
 Неистовые толпы ждут, в глазах упорство и тоска.
 Во тьме крошечной не видать могучих сводов
 и стропил —
 На станции погашен свет, чтоб враг людей не различил.

Ждут, зорко вглядываясь вдаль, во тьму, где притаился
 враг, —
 Пока победа к ним пришла, на землю опустился мрак.
 Здесь ждут зари они, решив хоть до рассвета
 отдохнуть,
 Чтоб с первым утренним лучом опять начать нелегкий
 путь.
 С тревожным сердцем ждут они, уставясь в тьму перед
 собой,
 Рассвета терпеливо ждут, чтоб продолжать жестокий
 бой.
 Когда ползли они вперед, тесня врага за пядью пядь,
 Казалось, город от узла недалеко, рукой подать;
 Когда же подошли к узлу и вскоре был он штурмом
 взят,
 Воспользовавшись темнотой, боясь ловушек и засад,
 Враг в город отступил... И вот они ждут утра, чтоб
 опять
 Начать кровопролитный бой, враждебный город
 штурмовать.

12

В тысячелетней темноте, что погасила все огни,
 На темной станции столпясь, стоят они.
 Пред ними поле мглой ночной затемнено,
 Вокруг ни звука, ни огня... Везде темно.
 Пред ними поле без конца, немое в этот поздний час,
 Там подозренье сидит — слепое чудище без глаз,
 Сидит и дремлет, словно пес, и сторожит глубокий мрак,
 В кромешной притаившись мгле, следит, как невидимка-
 враг.
 В глаза неистовых людей оно глядит, глядит в упор,
 В их чистый и глубокий взгляд уставив тупо мутный
 взор.
 И не мигая, в темноте они с тревогой смотрят вдаль,
 И в их расширенных зрачках таится страшная печаль.
 Тревожно вглядываясь в тьму, стоят без вздохов и без
 слов,
 И шум на станции ночной ползет, ползет из всех углов...

Огромной армией сойдясь на этой станции ночной,
 На поле темное они глядят с тревогой и тоской.
 И в бездне этой темноты, как нарастающий пожар,
 Едва виднеется вдали горящий красным светом шар.
 Их напряженные глаза миражем призрачным маня,
 Зловещим светом он горит, тот сгусток крови и огня.
 Багрово-красный, он горит, он для того в ночи зажжен,
 Чтоб были бдительны бойцы, чтоб их не убаюкал сон.
 Во тьме, как песья голова, чьи очертанья чуть видны,
 Горит зловещий этот свет, как знак тревоги и войны.
 Огонь тот — город, где сейчас царят смятение и страх,
 Он как тысячелетний враг с безумной яростью в глазах.
 И этот роковой огонь, зловещий раскаленный свет —
 Как точка красная в мозгу, безумца неотвязный бред.
 Как будто он зажжен тоской агонии в последний час...
 И на багровый этот свет глядят десятки тысяч глаз...

Так, устремив на красный свет усталый напряженный
 взор,
 Неистовые толпы ждут, чтобы восход омыл простор.
 И точка эта, этот свет, их бдения бессонный страж,
 В их душах сумрачных горит как луч, как огненный
 мираж.
 Питает ядом грудь, как гвоздь, в нее вонзенный
 темнотой,
 Воспламеняет их сердца всеразрушающей мечтой...
 И ноет в глубине души, сперва на дне, издалека,
 Старинная тупая боль, и поднимается тоска,
 И вот кровавая мечта мутит их взор... глаза горят...
 И тысячи горящих глаз выплевывают кровь и яд...
 И поднимается со дна тоска и горечь долгих лет,
 И в ясных их глазах горит ее кровавый дикий свет.
 Так, сердцем отмечая пульс последних медленных минут,
 Взор устремив на красный свет, неистовые толпы ждут...

Средь темной ночи их душа сама, как эта ночь, темна.
 С какою огненной тоской восхода солнца ждет она!
 В огромном сердце их туман, но в том тумане есть
 просвет,

Где голубые небеса и горизонту края нет. . .

В их ясных голубых глазах, покрытых сумраком ночей,
 Сто тысяч зорь, сто тысяч утр, сто тысяч солнечных
 лучей. . .

В их мышцах — мощь сырой земли, она дала им столько
 сил,

Им стоит только пожелать — изменятся пути светил,
 Им стоит только пожелать — и столько совершат чудес:
 Взметнут планеты в небеса, иль солнце уберут с небес!
 Железным мужеством сильны, не знающим пути назад,
 Неистовые толпы мир
 На новый лад преобразят!

Ночь на исходе. И тупой, бессмысленный, едва течет
 Последний ожидания час. . .

Желанный близится восход.

Вот ветер шелестит травой и гонит мирный сон земли.

И точка красная горит последним пламенем вдали.

Редет сумрачный туман. . . Уж в небесах почти светло.

Срезает на востоке мглу зари огромное крыло.

И свежесть утренняя в мир, как будто пробудясь от сна,

Летит спокойно и легко, благоухая как весна.

Уходит мрак. И вот вдали, огни ночные погасив,

Всплывает город, как корабль, еще бесформенный массив,

Но с каждым мигом всё ясней выходят из рассветной
 мглы

Уступы зданий городских и труб железные стволы. . .

И в их неистовых сердцах тоске горящей меры нет,

И в небесах их чистых глаз горит, горит предсмертный
 бред. . .

Не отводя горящих глаз, глядят на город без конца,

И, словно солнечный пожар, горят их пылкие сердца. . .

Сейчас они пойдут туда, на этот город-исполин,

Чтоб вековую желчь излить, упиться зрелищем руин,

Разрушить стены и сады, чтоб весь он обратился в прах,
 Чтоб жечь деревья и дома, развеять пепел на камнях
 И в упоении плясать на потухающем огне,
 И рассыпáть везде золу, и искры гнать по всей стране...
 И самый пепел жечь и жечь, втоптать его в песок
и грязь,
 Чтобы, как феникс, старый мир не встал, из пепла
возродясь...
 Рассыпав пепел, чтоб его сам ветер уж не мог вернуть,
 В миры незасиявших солнц они начнут свой новый путь.

Когда забрезжил первый луч и, как войны кровавый знак,
 На горизонте красный диск поднялся, разгоняя мрак,
 И, новым светом запылав, зажег край неба голубой,
 Рванулись дружно, как один, неистовые толпы в бой.
 Пред ними поле без границ, туман, ползущий по земле,
 Прохлада утренней травы и в испаряющейся мгле,
 На перекрестках трех дорог, как исполинский Колизей,
 Огромный город, весь в огне слепящих солнечных
лучей...
 И, устремив горящий взор на свет, идущий с вышины,
 Они сражались вновь и вновь, огнем рассветным
зажжены.
 Тысячеликим войском вдаль, туда, где пламенел восход,
 Неистовые толпы шли,
 Шли к Солнцу новому, вперед.

1918

293. ИЗ СТРАНЫ НАИРИ

(Отрывок)

...Мне жертва моя опалает ладонь,
 Я сердце страны Наири кладу
 В пылающий ваш огонь.
 Кто может сказать: